

Манси Верхотурского уезда в описаниях середины XIX в.

М. Ф. Ершов

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
mfershov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В публикации рассмотрены образы манси Верхотурского уезда, которые были созданы наблюдателями в середине XIX в. Анализ этих образов помогает уточнить специфику конкретно-исторических и этнических различий.

Цель: выявление ценностных установок образованных наблюдателей, при создании образов коренных обитателей Севера и сценариев поведения при межэтнических контактах.

Материалы исследования: этнографические описания, которые были составлены священниками, корреспондентами Русского географического общества, публикации Л. Х. Симоновой «Вымирающее племя (историко-этнографический очерк)».

Результаты и научная новизна. В статье выделены отличительные черты в описаниях быта и жизни манси середины XIX в. на севере Верхотурского уезда. Сравнительный источниковедческий подход позволил обнаружить особенности межэтнических контактов и жизненных сценариев обитателей уральской тайги. Применение этого метода дало возможность выявить отличия в ценностных установках образованных исследователей и аборигенов. Историческая критика описаний манси предполагает возможность смещения внимания от ситуационных моментов к важным обобщениям о процессах аккультурации в XIX в.

Полученные результаты позволяют утверждать о значительных успехах в среде манси, постепенно обретавших навыки ориентации в новых социальных реалиях, когда им было настоятельно необходимо уметь вступать в контакты, менять хозяйственную жизнь и своё поведение. Обретение новой субъектности – свидетельство высоких адаптивных способностей мансийского этноса, что почти не было замечено наблюдателями. Дальнейшее изучение межэтнических контактов способно привнести коррективы в региональную историю. Научная новизна настоящей работы заключается в смещении внимания к социально-психологической проблематике в этнологических исследованиях.

Ключевые слова: аборигены, ассимиляция, Верхотурский уезд, вогулы (манси), интеграция, контакты, наблюдатели, объективность, образ, описание

Для цитирования: Ершов М. Ф. Манси Верхотурского уезда в описаниях середины XIX в. // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 2 (53). С. 334–344.

Mansi people of the Verkhotursky District in the descriptions of the middle of the XIX century

M. F. Ershov

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
mfershov@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the publication considers the images of the Mansi people of the Verkhotursky District, which were created by observers in the middle of the XIX century. The analysis of these images helps to clarify the specifics of concrete historical and ethnic differences.

Objective: identification of the value attitudes of observers during creation of images of the indigenous inhabitants of the North and scenarios of behavior in interethnic contacts.

Research materials: ethnographic descriptions compiled by priests, correspondents of the Russian Geographical Society and the publication of L. Kh. Simonova “The Endangered Tribe (Historical and Ethnographic Essay)”.

Results and novelty of the research: the article considers the distinctive features in the descriptions of the life of the Mansi people of the middle of the XIX century in the north of the Verkhotursky District. The comparative source approach made it possible to reveal the features of interethnic contacts and life scenarios of the inhabitants of the Ural taiga. The application of this method made it possible to identify differences in the value attitudes of educated researchers and natives. Historical criticism of the descriptions of the Mansi people suggests the possibility to shift attention from situational moments to important generalizations about the processes of acculturation in the XIX century.

The results obtained allow us to assert about significant successes in the Mansi peoples' environment gradually acquired the skills of orientation in new social realities, when it was necessary to be able to make contacts, change their economic life and behavior. The acquisition of a new subjectivity is evidence of the high adaptive abilities of the Mansi ethnos, which was almost not noticed by observers. Further study of interethnic contacts is able to make adjustments to the regional history. The scientific novelty of the work lies in the shift of attention to socio-psychological issues in ethnological research.

Key words: natives, assimilation, Verkhoturksy District, Vogul (Mansi) people, integration, contacts, observers, objectivity, image, description

For citation: Ershov M. F. Mansi people of the Verkhoturksy District in the descriptions of the middle of the XIX century // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2023; 13 (2/53): 334–344.

Введение

В настоящей статье рассмотрены материалы наблюдений за жизнью манси Верхотурского уезда в середине XIX в. Её целью стало выявление ценностных установок при одновременном изучении образов манси. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

- изучение информации, содержащейся в текстах внешних наблюдателей;
- сравнительный анализ представленных образов аборигенов;
- соотнесение исторических реалий, ценностных установок наблюдателей и образов манси.

Предметом исследования являются образы уральских аборигенов, взятые в единстве с ценностными установками внешних наблюдателей. Тексты тяготеют к системности, и объективности. Представленные в них материалы лишены подтасовок. Авторы стремились запечатлеть значимые компоненты жизни манси, сделать их общественным достоянием и предложить способы решения назревших проблем. Однако стремление к истине дополнялось и вытеснялось господствующими в образованной среде культурными стереотипами. В этих условиях актуальной оказывается следующая проблема: насколько ценностные установки наблюдателей содействовали адекватному отображению изучаемых ими реалий.

Историография темы фрагментарна из-за отчуждения главных участников межэтнического диалога: наблюдателей и изучаемых ими аборигенов. При этом, первые были активными носителями рациональности, а последние, напротив, выступали в облике пассивных объектов и исследования, и цивилизационных (негативных) воздействий. Так, например, в обобщающей работе В. Павловского начала XX в.

имеется сентенция, что вогул «из тихого миролюбивого и честного человека превратился в отъявленного мошенника, огрубел до невозможности» [13, 21]. Этой позиции противостояло мнение А. П. Орлова о вогулах, которые способны «освирепеть» [12, 444]. Очевидно, что в этнографических штудиях идеализированный и «наивный дикарь» периодически замещался негативными образами.

Публикация классического труда Ю. Слёзкина «Арктические зеркала» [18] в 1994 г. стала качественным сдвигом в осознании эволюции северных народов и их образов. В последующем этот подход был дополнен литературоведческими [4], этнографическими [7; 8; 10; 21; 26] и историко-психологическими [11; 19; 23, 24; 25; 27] работами. В современной историографии особое место принадлежит исследованиям истории миссионерской деятельности русской православной церкви у манси [1; 2; 3; 22]

Специфика нашей многонациональной и многоконфессиональной России с её природно-географическим, климатическим и экономическим разнообразием делает обращения к данной проблематике особенно актуальными.

Материалы и методы

Материалом исследования являются историко-этнографические описания манси (устаревший этноним – вогулы), живших во второй половине XIX в. на территории Верхотурского уезда Пермской губернии. Исследование основано на использовании описаний, созданных корреспондентами РГО священниками Евгением Павловым (Петропавловский завод)¹ и, отчасти, Иосифом Павловым (с. Романовское)². Их в значительной мере дополняет очерк Л. Х. Симоновой [14]. Характерными чертами таких источников является ориентация их

¹ Архив Русского географического общества (АГО). Разр. 19. Оп. 1. Д. 36, 71.

² АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21.

составителей на системность и объективность при подборе значимой информации. Собранные сведения близки к миссионерским источникам. У них имеется формальное сходство с описаниями учёных путешественников.

Это обстоятельство требует использования междисциплинарного подхода, обращения к эпистемологическим наработкам и методам компаративистики. Так, между научной истиной и объективностью существует цезура, вызванная тем, что сама объективность оказывается исторически изменяемой. В разные времена под ней понимали не одно и то же [6]. Данные различия не есть чисто умозрительные конструкции. Они непосредственно сказываются на процессах научного познания, в том числе и в этнографических описаниях. Для их исследования обращение к философским и психологическим основаниям не только желательно, но и необходимо.

Так, например, исследователи обратили внимание, что для образованных людей XIX в. было характерно мыслительное структурирование окружающего мира. Однако, «учитывался лишь небольшой кусочек мыслящего существа, очищенного от всех воспоминаний, превосходств и недостатков» [6, 435]. Осмысление ригидности как прогресса, в конечном итоге вело к появлению противоречия между конкретными социальными явлениями и абстрактными универсальными категориями [9, 20]. Как оно реализовывалось в конкретике описаний будет рассмотрено ниже.

Результаты

Современная исследовательница Л. Н. Хатовская акцентирует внимание на чертах антропологически ориентированного сознания: «в поле у наблюдателя актуализируется чувство собственной культурной принадлежности, идёт своего рода настройка внутренних культурных границ» [21, 65]. Данное положение бытовало и ранее. Так, например, почти эпическим зачином характеризуются «Этнографические заметки» Е. Павлова: «На далёком севере, ничьего, почти не обращая на себя

внимания и само мало обращая внимания на других, живёт себе племя, известное под именем ясачных вогулов. Племя это, населяющее богатые пажитями берега речки Лозьвы (в округе Верхотурского уезда), весьма немногочисленно: в шести деревнях всего заключается жителей с малолетами 138-м душ обою пола (муж. 65 и женск. 73 души)». Среди них настоящие вогулы составляют «не более одной половины». Их легко отличить: «и по складу лица, и по языку, и по внешнему благосостоянию, или, правильнее, бедности – неразлучной спутнице коренного вогула»¹.

Они занимают обширную малонаселённую территорию, что далеко не случайно: «Все воюгулы, как известно, находили, а некоторые и донныне находят, средства существования, по преимуществу в звериной и рыбной ловле; поэтому они и селились так, чтобы в этих промыслах не мешать друг-другу, чтобы, как на воде, так и в лесу было просторно и привольно всем»². И далее в корреспонденции подробно изображены хозяйственные занятия аборигенного и русского населения³. Евгений Павлов последовательно разделяет описываемых им вогулов на «настоящих» (или коренных) и «обруселых». У первых имеются отличия от русских крестьян в языке, бытовых привычках, одежде, устройстве жилища и утвари. Характерно, что в использовании материальных предметов или заимствовании хозяйственных навыков отсутствует непреодолимая граница между русскими и аборигенами.

Основные различия здесь иные. Например, «платье коренного вогула ничем почти: ни по крою, ни цветом – не отличается от одежды обруселого или чисто русского крестьянина; и, несмотря на это, всякий, с первого же взгляда, отличит первого от последнего, по его вялости, неуклюжести, и какой-то робости в движениях, по особенной манере низко подпоясываться опояскою и особенно по цвету и складу лица»⁴. Ещё одна их отличительная черта: лень и беспечность. «У иного решительно ничего нет, а он сидит себе да покуривает трубку. Вообще удивляться надобно равнодушию, с которым

¹ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 71. Л. 1.

² АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Л. 2-3.

³ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 36. Л. 1.

⁴ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 36. Л. 5.

вогул переносит своё незавидное положение, не стараясь нисколько об его улучшении, и, в случае нужды даже самый голод»¹. Как полагает Е. Павлов, результатом их беспечности стал ряд негативных моментов: тяга к вину и табаку, чувственным удовольствиям, «часто доходящим до разврата – обыкновенного следствия бедности, праздности и слабости сознания святости брачных союзов: то отселе совершенно понятны будут и тщедушие вогулов, в особенности вогулок, и сравнительно малое плодородие сих последних, и замечательная смертность и происшедшая убыль в населении коренных вогулов»².

Количество обруселых вогулов, напротив, растёт, а их отличия от русских уменьшаются: они «одеваются также и едят тоже, что и крестьяне, не более сих последних склонны к горячительным напиткам»³. Эти обруселые вогулы, из-за своего маргинального положения предстают частично испорченным аналогом русского этноса (его локальной группы). Впрочем, ни Е. Павлов, ни его коллега и однофамилец И. Павлов не идеализируют соседей манси – русских крестьян. Местная речь не соответствует литературным нормам: в ней много диалектных особенностей и заимствований из вогульского языка⁴. И. Павлов фиксирует: от этого вынужденного соседства ухудшается русское население. Оно приобретает антропологические вогульские черты. «Государственные крестьяне – считает И. Павлов – во всех отношениях не очень понятливы и сметливы, и как живут в соседстве между ясачными вогулами, и по взаимной между собой связи, от чего и нравы имеют некоторые грубые. Грамотных же мужчин и женщин имеется очень малое число»⁵.

Северная часть Верхотурского уезда в описаниях Е. Павлова предстаёт тем «благословенным краем», где есть изобилие природных ресурсов: от сенокосных угодий, до рыбы, зверей и птиц. У обитателей здешних мест – вогулов – много свободного времени, а размер их ясака

составляет всего 2 рубля серебром, они не составляют рекрутов, они избавлены от множества земских повинностей, в частности, от починки мостов. Стоит ли, говорить о всеобщем благосостоянии вогулов? «Но, к сожалению, – полагает Е. Павлов, – действительность только наполовину подтверждает это предположение. Ибо, несмотря на равенство во всех отношениях, на одинаковые условия и образ жизни, почти только половина обруселых вогулов живёт достаточно, некоторые из этого числа имеют даже порядочные деньги; но зато другая половина живёт кое-как, часто не имея насущного хлеба и не зная на что взять его»⁶.

По мнению священника, виною этого являются, главным образом, лень и равнодушие, с коими вогулы переносят бедность. Отрицательную роль играет и пристрастие к горячительным напиткам. Если среди вогулов далеко не все бедны, то теперь за материальное неблагополучие отвечает уже конкретный человек. Е. Павлов, как составитель «Этнографических заметок», достаточно категоричен: «цивилизация их (вогулов) ограничивается пока только переменою языка, наружности и домашнего быта». Главное же «в духовном отношении – в отношении развития ума и сердца, в отношении понимания и исполнения обязанностей христианских, остаётся желать этим инородцам и ожидать от будущего ещё весьма многого, потому что не дано им в этом отношении даже начала»⁷.

«Конечно, – добавляет священник, – тут надобно иметь в виду и образ их жизни, и отдалённость от русских, как две причины, неблагоприятные для их духовного развития, но главным образом, всё-таки, это зависит от их природного нерасположения к образованию, хотя способности их для этого не подлежат никакому сомнению. Между вогулами не бывало и до сих пор нет ни одного грамотного: факт неутешительный, но вполне справедливый»⁸. К числу причин ассимиляции он относит проживание рядом с русскими: «вогулы,

¹ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 36. Л. 6.

² АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 36. Л. 7.

³ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 71. Л. 5.

⁴ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 21. Л. 7-9.

⁵ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 21. Л. 2.

⁶ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 71. Л. 18.

⁷ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 71. Л. 19.

⁸ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 71. Л. 19.

поселившиеся ближе к селениям русских, чрез частые сношения с ними, а впоследствии времени и чрез брачные союзы с русскими женщинами, естественно, скорее ознакомились с русским языком и образом жизни и, таким обр. мало-по-малу обрусели совершенно»¹. И напротив, те аборигены, кто проживал в отдалении, естественным образом сохранили свой язык, особенности быта, первобытную простоту и невежество. Информатор не заблуждается в негативных следствиях контактов вогулов с русскими. К вогулам приезжают прасолы для закупки рыбы и пушного товара, причём непременно с вином. «Впрочем в последнее время обруселые вогулы и сами не прочь обмануть неопытного и слишком задиристого покупателя – и обманывают»².

Какая логическая схема складывается из наблюдений двух священников? По ряду внешних и внутренних причин вогулы живут в первобытной простоте. Внятного объяснения причин этой отсталости нет, кроме лапидарных отсылок к природным свойствам аборигенов. За формальным научным объективизмом в этнографических описаниях подспудно угадывается Божий промысел, благодаря которому вогулы оказались в богатой, но далёкой от цивилизации территории. Они лишены многих пороков современного общества и наделены «добрыми качествами, свойственными всем диким народам»³. У них немало несомненных достоинств. Это гостеприимство, сострадательность, взаимопомощь.

Вогулы «также кротки и миролюбивы от природы, а перед начальством так просто почтительны до трусости». Их пугливость доходит до того, «что, когда Ермак проходил Сибирь со своими удалцами, то вогулы при виде одного казака с нагайкой бежали десятками как бараны». Вогулы верны сильному природному флегматизму даже во время вакханалий, на которых не бывает никаких склок и ссор, считает Е. Павлов⁴. Кроме того, он дополнительно акцентирует внимание, на том, что аборигены,

оговариваясь неимением хороших собак, не стремятся охотиться на медведя – им не хватает храбрости⁵. В целом же, их нахождение вне цивилизации – это тупик, а возможно и гибель.

Частично эти аборигены уже движутся к цивилизации. Их магистральный путь пролегает по следующей траектории: коренные – обруселые – русские. Но такое перемещение, пока ещё лишено подлинного цивилизационного усвоения. Вогулы поверхностно заимствуют материальную (а зачастую лишь греховную) сторону цивилизации. Настоящая цивилизованность, идейно связанная с жизнью духа, образованием, христианством, православием, их ещё не коснулась. Данный факт мифического сознания, с разными изменениями, существовал длительный период, вплоть до конца XX в. Изменялись только отдельные его компоненты (так, православие вытеснялась коммунистической идеологией).

Идеализированные образы «детей природы» – кротких и даже пугливых, не вполне соответствуют историческим и хозяйственным реалиям. Как известно, именно манси оказали упорное сопротивление российской экспансии в Сибирь. У обско-угорских народов медвежьих игрищ (комплексы магических действий после успешной охоты на хозяина тайги) составляют значимую часть этнической культуры, а упорядоченные ритуалы не совмещаются с ситуативными ссорами и другими конфликтами. Данные интеллектуальные противоречия отнюдь не есть случайные частности. За ними скрыты не только точка зрения наблюдателей, но и возможность детальной критики представленных ими исторических сведений. Для преодоления одностороннего видения корреспондентов РГО необходимо обратиться к текстам из иной общественной среды.

«Вымирающее племя (историко-этнографический очерк)» Л. Х. Симоновой (Хохряковой) принадлежит к числу таких текстов. В 1883 г. он был опубликован в журнале «Живописное обозрение». Людмила Христофорова

¹ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 71. Л. 18-19.

² АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 71. Л. 20.

³ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 36. Л. 9.

⁴ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 36. Л. 9.

⁵ АГО. Разр. 19. Оп. 1. 21. Д. 71. Л. 13.

Симонова (1838–1906) – ныне забытая писательница, публицист, член Русского географического общества, этнограф. В 1858–1864 гг. она жила в Чердынском и Верхотурском уездах Пермской губернии. Её наблюдения за жизнью и бытом манси в последующем вошли в журнальную публикацию. В принципе, большая часть очерка – это обширная компиляция из прежде опубликованных историко-этнографических работ, с общепринятыми для того периода образами вогулов. Существенную долю очерка составляют исторический обзор, география расселения, изображения внешности вогулов и другие этнографические детали. Для Л. Х. Симоновой характерны обострённый интерес к сентиментальным проявлениям, жизненным перипетиям, преобладание критического настроения. Всё это нашло отражение в её популярных этнографических работах [15; 16; 17].

Автор традиционно считает этнос вымирающим. У Л. Х. Симоновой вогула отличают следующие психические признаки: он – дикий, боязливый, робкий. Он – жалкий скиталец, который не знает русского языка, либо притворяется, что не знает [14, I, 101–102]. К достоинствам вогулов автор «Вымирающего племени» относит гостеприимство, участливость, живость, проворность, храбрость и честность [14, III, 401]. Упоминания о природном флегматизме манси у неё отсутствуют. Противоречие между храбростью и боязнью во многом мнимое. Исторический опыт заставил манси избегать контактов с властью: «Отнятие земель вооружило вогуличей против русских и загнало их на крайний север, в суровый климат, в дремучие леса, отделённые от русских непроходимыми болотами» [14, IV, 128]. Теперь «из воинственного свободного племени, дикари, оставшись дикарями, сделались тихими, робкими обитателями лесов, донельзя скрытыми и необщительными» [14, IV, 128].

В отличие от этнографических заметок, написанных священниками для РГО, в очерке Л. Х. Симоновой имеется попытка найти историческое объяснение бедственному положению аборигенов. Для неё север Верхотурского уезда – это отнюдь не та земля, которая создаёт возможности стать богатыми, а сами вогулы

не столько ленивы, сколько угнетены властью. И очень возможно, что в будущем от вогулов останется лишь воспоминание [14, IV, 160]. В общественной мысли того времени пессимистические прогнозы относительно перспектив аборигенов были неким общим местом. Автор очерка не избежала клишированных оценок, но её описание интересно личными наблюдениями, которые противоречат массовым стереотипным суждениям.

Л. Х. Симонова изображает отношения аборигенов и должностных лиц. Из них наиболее жёстко ведёт себя писарь из Романовской волости Верхотурского уезда, так называемый «романовский губернатор». Он сумел наладить не вполне законную торговлю с вогулами. Писарь притесняет их, заставляя предоставлять для якобы волостных (на самом деле – личных) нужд рассыльных [14, IV, 134–136]. Однако его вымогательства ограничены: «дело это для писаря было рискованное. Вогуличи, недовольные его требованиями, могли и откочевать, а тогда вся его меновая торговля с ними рушилась бы» [14, IV, 134–136]. Действия писаря для того времени не были чем-то необычным. Известно, что и в русских волостях писари, нанятые крестьянами, не отличались щепетильностью. Издавна практиковалось и использование труда рассыльных. Весьма характерно, как Романовский писарь обосновывает введённую им повинность: вогулы ничего не умеют, повинностей на них нет, а находясь при его доме они «обнатуриваются», то есть цивилизуются [14, IV, 136].

Социальная близость местных русских крестьян и вогулов обнаруживается у Л. Х. Симоновой во многих областях. Например, крестьяне Фоминской волости информировали, «что на охоте они придерживаются в отношении вогуличей их обычаев»: нельзя брать чужой добычи, охотник, первым ранивший зверя, должен получить долю [14, IV, 140]. По отношению к природным ресурсам Чердынские и Верхотурские крестьяне и местные вогулы избежали конкуренции. Первые из них уходили на охоту не далее, как на 15 вёрст от жилья, туда, где ещё было мало ценных пушных зверей. Вогулы могли проходить на лыжах от 60–70 вёрст в день, они «удаляются от юрт

на сотни вёрст и, конечно же, чувствуют себя полными хозяевами промысла» [14, IV, 141].

Затем аборигены приносили добытую пушнину к знакомым крестьянам из русских деревень. Меновая торговля, иногда при помощи жестов и мимики, была обычно на опушке леса. За шкурки вогулам давали холсты, печёный хлеб, муку, новые овчинные полушубки. Но если «в деревне случится чиновник, то торговля не происходит. Вогулич, узнав о приезде начальства, мчит к опушке и, вместе с ожидавшими его товарищами, исчезает в лесной чаще. В этой стороне вогуличи ведут торговлю не только с дальними, но и с ближайшими к городу деревнями Фоминской волости. Крестьяне не только не выдавали вогуличей начальству, но и сами предупреждали их о приезде недругов» [14, IV, 139–140].

Налицо, таким образом, заимствование аборигенным населением элементов русской крестьянской общественной психологии, где чиновникам была отведена незавидная роль взяточников и вымогателей. Другие сведения Л. Х. Симоновой корректируют несколько идиллическую картину симбиоза крестьян и пугливых аборигенов. Оказывается, чиновники и сами не стремятся к контактам: «Один из чиновников министерства государственных имуществ на вопрос мой о кочевых вогулах ответил:

– Есть где-то, слышал, да чёрт с ними! Не видно – и слава Богу. Пока этой печали черти не накачали!

– А что?

– Дикий народ, не стоящий внимания.

На предложение моё съездить в юрты тех волостей, где вогуличи значатся по расписаниям, я получила в ответ:

– Опасно: народ злющий; ещё, пожалуй, так встретят кольями, что и не вернёшься» [14, IV, 133].

Вне зависимости от господствующих стереотипов о природной свирепости (дикости) или, напротив, пугливости аборигенов, в позиции чиновника имеется рациональное начало. Представители власти приносят с собой ту потенциальную угрозу, от которой таёжные жители жаждут избавиться. Однако власть, особенно отдалённая, может быть полезной. Л. Х. Симонова зафиксировала неординарный

случай. Вогулы подали жалобу на крестьян Фоминской волости. Разбирать это тяжёлое дело был направлен один из чиновников. Автор «Вымирающего племени» уговорила должностное лицо взять её с собой, для того чтобы увидеть вогульские юрты. Правда, до юрт они не добрались, остановившись в русской деревне: «чиновник боялся ехать в вогульские селения, ему почему-то казалось, что дикари непременно убьют его» [14, IV, 141].

Тяжёлое дело было «в жалобе вогуличей на то, что крестьяне Фоминской волости завладели несколько лет назад их землёю и распахали пашни. Сначала вогуличи их не беспокоили, полагая что это делается на время, в виде займа, а затем, задумав сами попробовать сеять хлеб, не могли возратить свои земли. Крестьяне не уступали распаханых земель даже за вознаграждение» [14, IV, 142]. Далее смыслённый вогульский старшина едет в губернскую Пермь, где он подаёт жалобу в Палату государственных имуществ. Однако чиновник, прибывший по этому делу, первоначально столкнулся с демонстративным нежеланием вогулов идти на контакт и документально доказать права на землю. Они отмалчивались, отговаривались незнанием русского языка, чем и довели его до белого каления. «Вогуличи упорно молчали. Усилия чиновника узнать что-либо длились два часа сряду; наконец, выйдя из себя окончательно, он швырнул прошение в толпу вогуличей и произнёс решительным тоном:

– Не будет вам земли! Нет вам земли! Я её вам не дам. Пусть русские владеют. Идите вон!» [14, IV, 142].

И тогда, по образному выражению автора, «декорация вдруг переменялась». После недолгого совещания аборигены представили грамоту на владение землёй. Выяснилось, что они, не доверяя верхотурским уездным властям, решили снова отправить своего старшину в Пермь, но решительность прибывшего чиновника поколебала их намерения. За фасадом привычной «дикости» скрывались вполне рациональные начала, знание психологии местного чиновничества, оправданные опасения, связанные с утратой ценного документа. Дополнительно отметим, что земельные вопросы недостаточно точно трактовались

в законах и правосознании того времени [5]. Но в условиях земельной тяжбы манси предпочли длительные и обременительные бюрократические процедуры незаконному самоуправству. Сюжет хорошо иллюстрирует успешную мимикрию русских крестьян и их аборигенных соседей по отношению к властям. Мнимые непонимание языка или задаваемых вопросов служили действенными средствами защиты [14, IV, 143–144].

Кроме того, здесь же, дополнительно раскрыты психологические аспекты контактов крестьян и местных манси. По преимуществу их связи базировались на прагматических началах. Взаимные выгоды от меновой торговли не отрицали вероятности других конфликтов. Предприимчивость аборигенов присутствовала и в иных хозяйственных сферах. Л. Х. Симонова отмечала зачисление вогулов на частные золотые прииски в Верхотурском уезде, как и то, что они «отличались чрезвычайной честностью и трудолюбием», факты помощи при открытии новых месторождений [14, IV, 147–150]. Материалы, собранные исследовательницей, во многом корректируют не только образы манси в записках для РГО, но и её собственные выводы.

Обсуждение и заключение

Анализ историко-этнографических источников о специфике жизни и быта верхотурских манси в середине XIX в. свидетельствует, что обитатели северной тайги, очутились перед нелёгким выбором. Это были либо миграция вглубь территорий, на которые не проникли поисковые партии золотодобытчиков и пока отсутствовало постоянное русское население, либо – адаптация к изменившимся реалиям. Таковыми стали участие в товарообменных операциях, переход к животноводству

и земледелию, оказание транспортных услуг, наёмный труд, контакты с местным русским населением и властными структурами. Выбор вариантов аккультурации в каждом конкретном случае определялся манси с учётом множества условий. У них имелась некоторая, пусть и ограниченная, свобода выбора.

Данное обстоятельство почти не замечалось внешними наблюдателями, с их ценностными установками цивилизаторов, и с господством ригидных оценок. Тяготение к формальной объективности фактически вело к редуционистскому подходу и избирательности в восприятии. Достоверные сведения оказывались по соседству с традиционными образами и стереотипными суждениями. Априорная схема, доминирующая структура, справедливые в целом, деформировались в частности. Особенно страдало запечатление индивидуальных и психических моментов, присутствующих в межэтнических контактах.

Сведения о жизни манси, равно как и оценочные суждения этнографов того времени, ведут к некоторым предварительным выводам. Образы наивных «детей природы» во многом вытеснили реальных людей. Но, то, что в прежней системе координат представлялось второстепенным и незначительным, «неожиданно» в новых условиях смещается в центр внимания, когда происходит отстранение от изначальной точки обзора, при постановке принципиально значимых вопросов. И тогда, отказ от схемы становится тождественным расставанию с иерархией сведений, с «общепринятыми» мнениями о жизни конкретного этноса. Именно поэтому последовательная историческая критика этнографических сведений от корреспондентов РГО и очерка Л. Х. Симоновой, даёт нам возможность сделать эти неоднозначные выводы.

Список источников и литературы

1. Беспкойный А. В. Православная религиозность манси Северного Урала в этнографических и миссионерских источниках второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 59–71.
2. Беспкойный А. В. Христианизация этнографических групп манси и православное миссионерство (конец XIX – начало XX в.) // Вестник угроведения. 2013. № 2 (12). С. 94–103.
3. Главацкая Е. М., Беспкойный А. В. Православие и традиционная религиозность манси: перекрёстки культурного взаимодействия // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 47–55.
4. Граматчикова Н. Б. Между дрёмой и дикостью: эмоции и эмпатия в этнографии XIX – начала XX вв. // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 1 (21). С. 69–92.

5. Давыденко Е. А. Регулирование земельных отношений русских с вогулами // Система ценностей современного общества. 2011. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-zemelnyh-otnosheniy-russkih-s-vogulamі> (дата обращения: 05.04.2023).
6. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
7. Ершов М. Ф. Образы аборигенов Тобольского Севера в официальных и научно-популярных изданиях последней трети XIX в. // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 1. С. 134–141.
8. Ершов М. Ф. Об эволюции воззрений на характер аборигенов Тобольского Севера в XIX – начале XX вв. // Вестник Нижневарттовского государственного университета. 2022. № 2 (58). С. 41–48.
9. Копосов Н. Память строгого режима: история и политика в России: М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
10. Курбачёва О. В. Историко-философское осмысление сущности и роли этнических стереотипов в современном мире // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 4. С. 53–62.
11. Налчаджян А. А. Этнопсихология. СПб.: Питер, 2004. 381 с.
12. Орлов А. П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии // Сборник Пермского земства. Пермь: Тип. Поповой, 1873. № 5-6 (Май–июнь). С. 440–460.
13. Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-Литография Имп. ун-та, 1907. 220 с., VIII.
14. Симонова Л. Х. Вымирающее племя (историко-этнографический очерк) // Живописное обозрение. 1883. № 1 (январь). Отд. 1. С. 101–130; № 2 (февраль). Отд. 1. С. 249–280; № 3 (март). Отд. 1. С. 377–404; № 4 (апрель). Отд. 1. С. 127–160.
15. Симонова Л. Голод // Русское Богатство. 1884. № 5–6. Май–июнь. С. 185–200.
16. Симонова Л. Лаача. Очерки из быта вогуличей. СПб.: Изд-е Н. Н. Морева, 1911. 80 с.
17. Симонова Л. Эзе: очерки из быта остяков. СПб: Типо-лит. М. П. Фроловой, 1906. 95 с.
18. Слэзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
19. Смирнов С. В. Человек бессмысленный: апология деонтологизации // Научный журнал Nova Um.Ru. 2020. № 25. С. 80–83.
20. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
21. Хаховская Л. Н. Полевые этнографические исследования как личный опыт (на материале дневников женщин-исследовательниц) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 1. С. 62–72.
22. Чепкасов В. Е. Христианизация вогулов: история и последствия // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hristianizatsiya-vogulov-istoriya-i-posledstviya> (дата обращения: 09.03.2023).
23. Hamilton D. L., Sherman J. W. Stereotypes // Handbook of Social Cognition. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates, 1994. Pp. 1–68.
24. Katz D., Braly K. W. Racial stereotypes of one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. Pp. 280–290.
25. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Co., 1922. 427 p.
26. Stefanenko T. G., Kupavskaya A. S. Ethno-cultural competence as a component of competence in communication // Psychology in Russia: State of the Art. 2010. Vol. 3. Pp. 550–564.
27. Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Intergroup behavior. Turner JC, Giles H, editors. Oxford: Basil Blackwell; 1981. Pp. 144–167.

References

1. Bespokoiniy A. V. *Pravoslavnyaya religioznost' mansi Severnogo Urala v etnograficheskikh i missiionerskikh istochnikakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Orthodox religiosity of the Mansi people of the Northern Urals in ethnographic and missionary sources of the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 1 (20), pp. 59–71. (In Russian)
2. Bespokoiniy A. V. *Khristianizatsiya etnograficheskikh grupp mansi i pravoslavnoye missiionerstvo (konets XIX – nachala XX v.)* [Christianization of the Mansi ethnographic groups and Orthodox missionary work (late XIX – early XX centuries)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 2 (12), pp. 94–103. (In Russian)
3. Glavatchikoya E. M., Bespokoiniy A. V. *Pravoslaviye i traditsionnaya religioznost' mansi: perekrostki kul'turnogo vzaimodeystviya* [Orthodoxy and traditional religiosity of the Mansi people: crossroads of cultural interaction]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2013, no. 2 (39), pp. 47–55. (In Russian)
4. Gramatchikova N. B. *Mezhdru dryomoy i dikost'yu: emotsii i empatiya v etnografii XIX – nachala XX vv.* [Between slumber and wildness: emotions and empathy in ethnography of the XIX – early XX centuries]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2021, no. 1 (21), pp. 69–92. (In Russian)

5. Davydenko E. A. *Regulirovaniye zemelnykh otnosheniy russkikh s vogulami* [Regulation of land relations between the Russians and Vogul people]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [System of values of modern society], 2011, no. 18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-zemelnykh-otnosheniy-russkikh-s-vogulami> (accessed May 04, 2023). (In Russian)
6. Daston L., Galison P. *Ob'ektivnost* [Objectivity]. Moscow: Newoe Literatyrnoe obozrenie Publ., 2018. 584 p. (In Russian)
7. Ershov M. F. *Obrazy aborigenov Tobol'skogo Severa v ofitsial'nykh i nauchno-populyarnykh izdaniyakh posledney treti XIX v.* [Images of the natives of the Tobolsk North in official and popular science publications of the last third of the XIX century]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2022, no. 12 (1), pp. 134–141. (In Russian)
8. Ershov M. F. *Ob evolyutsii vozzreniy na kharakter aborigenov Tobol'skogo Severa v XIX – nachale XX vv.* [About the evolution of views on the character of the natives of the Tobolsk North in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Nizhneartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Nizhneartovsk State University], 2022, no. 2 (58), pp. 41–48. (In Russian)
9. Koposov N. *Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory of a strict regime: history and politics in Russia]. Moscow: Novoe literatyrnoe obozrenie Publ., 2011. 320 p. (In Russian)
10. Kurbacheva O. V. *Istoriko-filosofskoye osmysleniye sushchnosti i roli etnicheskikh stereotipov v sovremennom mire* [Historical and philosophical understanding of the essence and role of ethnic stereotypes in the modern world]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History], 2022, no. 4, pp. 53–62. (In Russian)
11. Nalchadzhyan A. A. *Etnopsychologia* [Ethnopsychology]. Saint-Petersburg: Piter Publ., 2004. 381 p. (In Russian)
12. Orlov A. P. *Svedeniya o vogulakh, obitayushchikh v Permskoy gubernii* [Information about the Vogul people living the Perm Guberny]. *Sbornik Permskogo zemstva* [Collection the Perm Zemstvo]. Perm: Tip. Popovoj Publ., 1873. no. 5–6 (May–June). pp. 440–460. (In Russian)
13. Pavlovskiy V. *Voguly* [Vogul people]. Kazan: Typo-Lithographiya Imp. un-ta Publ., 1907. VIII. 220 p. (In Russian)
14. Simonova L. Kh. *Vymirayushcheye plemya (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [The Endangered Tribe (Historical and Ethnographic Essay)]. *Zhivopisnoye obozreniye* [Picturesque Review], 1883, no. 1 (January). Dep. 1. pp. 101–130; no. 2 (February). Dep. 1. pp. 249–280; no. 3 (March). Dep. 1. pp. 377–404; no. 4 (April). Dep. 1. pp. 127–160. (In Russian)
15. Simonova L. *Golod* [The Hunger]. *Russkoye Bogatstvo* [Russian Wealth], 1884, no. 5–6. May–June. pp. 185–200. (In Russian)
16. Simonova L. *Laacha. Ocherki iz byta vogulichey* [Laacha. Essays on the life of the Vogul people]. Saint-Petersburg: Izd-e N. N. Moreva Publ., 1911. 80 p. (In Russian)
17. Simonova L. *Eze. Ocherki iz byta vogulichey* [Eze. Essays on the life of the Vogul people]. Saint-Petersburg: Tipol-lit. M. P. Frolova Publ., 1906. 95 p. (In Russian)
18. Slezkine Yu. *Arkticheskiye zerkala: Rossiya i малыye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Moscow: Newoe Literatyrnoe obozrenie Publ., 2008. 512 p. (In Russian)
19. Smirnov S. V. *Chelovek bessmyslenny: apologiya deontologizatsii* [A senseless man: an apology of deontologization]. *Nauchnyy zhurnal Nova Um.Ru* [Scientific journal Nova Um.Ru], 2020, no. 25, pp. 80–83. (In Russian)
20. Soldatova G. U. *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl Publ., 1998. 389 p. (In Russian)
21. Khakhovskaya L. N. *Polevyye etnograficheskiye issledovaniya kak lichnyy opyt (na materiale dnevnikov zhenshchin-issledovatel'nyts)* [Field ethnographic research as a personal experience (based on the diaries of women researchers)]. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East], 2021, no. 1, pp. 62–72. (In Russian)
22. Chepkasov V. E. *Khristianizatsiya vogulov: istoriya i posledstviya* [Christianization of the Vogul people: history and consequences]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/khristianizatsiya-vogulov-istoriya-i-posledstviya> (accessed May 17, 2023). (In Russian)
23. Hamilton D. L., Sherman J. W. Stereotypes. *Handbook of Social Cognition*. Hillsdale, N.J.: L. Erlbaum Associates, 1994. pp. 1–68. (In English)
24. Katz D., Braly K. W. Racial stereotypes of one hundred college students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1933, no. 28, pp. 280–290. (In English)
25. Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace and Co., 1922. 427 p. (In English)
26. Stefanenko T. G., Kupavskaya A. S. Ethno-cultural competence as a component of competence in communication. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2010, no. 3, pp. 550–564. (In English)
27. Tajfel H. Social stereotypes and social groups. *Intergroup behavior*. Eds. J. C. Turner, H. Giles. Oxford: Basil Blackwell; 1981. p. 144–167. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ершов Михаил Фёдорович, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), кандидат исторических наук, доцент.

mfershov@mail.ru

ORCID 0000-0002-8518-4368

ABOUT THE AUTHOR

Ershov Mikhail Fyodorovich, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

mfershov@mail.ru

ORCID 0000-0002-8518-4368